

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий
Фокс

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

У ЛУКОМОРЬЯ

Василий Михайлович Песков
Полное собрание сочинений.
Том 6. У Лукоморья
Серия «Василий Песков. Полное
собрание сочинений», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10326928

*Василий Песков. Полное собрание сочинений. Том 6. У Лукоморья.
1967–1969: «Комсомольская правда»; Москва; 2014
ISBN 978-5-87107-855-6*

Аннотация

В шестой том собрания сочинений Василия Михайловича Пескова вошло продолжение его репортажей из рубрики «Широка страна моя...», которую «Комсомольская правда» в конце шестидесятых годов прошлого века открыла к 50-летию Октябрьской революции. И конечно – первые публикации его знаменитой авторской рубрики «Окно в природу», которую Песков вел до своего последнего дня.

Содержание

Предисловие	8
1967	12
Вышка в пустыне	12
Европа – Азия	18
Зима	24
Олени	26
Волк	27
Белка	29
Воробьи	31
Филин	31
Магнитка	35
Стоит поразмышлять...	49
Мгновение	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Василий Песков
Полное собрание
сочинений. Том 6. У
Лукоморья. 1967–1969

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Ощущение прошлого в прямой связи с тем, что тебя окружает, с тем, что тебя касается в жизни, всегда давало людям уверенность в будущем, давало человеку необходимое равновесие в размышлениях о смысле жизни и своем месте в ней. Мы говорим: памятники старины... воспитывают в нас ощущение Родины, причастность к ее судьбе. Это верно и очень важно. Но это не все. Узнавание всего прекрасного,

что оставили жившие до тебя, оставляет у любого человека ощущение и твоей нужности на земле. Это великое, необходимое людям чувство».

В. Песков

Предисловие

Песков обожал анекдоты. В редакции обычно если мы с ним встречались где-то в коридоре, на верстке или в отделе «толстушки» – нашего еженедельника, первое что спрашивал Василий Михайлович, поздоровавшись: «Ну, что? Новенькое? Есть?» Это означало, что он ждет новых анекдотов, потому как знал, что я как раз эту рубрику в «Комсомолке» и веду. Да дело не только в рубрике.

В 1989 году так получилось, что с десяток журналистов вылетел спецрейсом на Аляску. Тогда мы только начинали большие дружеские походы в Америку по принципу: наши живут дней десять в американских семьях, знакомятся с жизнью страны-«заключенного друга», а потом столько же американцев прилетает к нам в гости.

Так вот, рейс был специальный, по совершенно новому маршруту, для нас специально открыли пролет севером, через Берингов пролив, прямо на Анкоридж, до этой поры – совершенно нереальный маршрут. Лететь надо было, кажется, часов десять-двенадцать (учитывая посадки). На борту были изрядные запасы еды и выпивки. И так вышло, что сидели мы с Песковым рядом, я тогда был молод и по этой причине воздержан, а Василий Михайлович вообще спиртного не употреблял. Даже на самых дружеских застольях, как я узнал позже, он мог пригубить (именно пригубить!) рюмку

водки, да и все, пожалуйста.

Это я к тому, что компании было хорошо, а нам с Василием Михайловичем делать было положительно нечего. И как-то так случилось, что я стал рассказывать анекдоты. Песков оживился, рассказал пару своих в ответ. И пошло-поехало! Словом, не считая перерыва на пару часов на сон, мы всю дорогу, что называется, травили анекдоты.

С тех пор и подружились, хотя об этом тогда и мечтать-то было невозможно. Все-таки, Песков – мэтр, лауреат Ленинской премии (за книгу «Шаги по росе», составленную им из репортажей, напечатанных в «Комсомолке»), телеведущий популярнейшей передачи «В мире животных» не то, что мы, новички, только что прибывшие в редакцию с журфака.

И с тех же пор, повторяю, все наши встречи начинались с вопроса «Ну что? Новенькое? Есть?» и обмена анекдотами. Это уже было как пароль.

Анекдоты Василий Михайлович, признаюсь, любил и знал разные. Весьма. Ну, вы понимаете, о чем я говорю? Но как-то сказал: «Анекдот подмены слов не терпит. Так что рассказывай спокойно, как есть».

К чему я все это вспоминаю? А к тому, что многие свои заметки он писал, как анекдоты. Но только – в изначальном значении этого слова. Ведь по классике литературы анекдот – это краткий рассказ об интересном случае. А уж потом юмор и прочие хохоталки.

Каждая из заметок Пескова – это анекдот: он никогда не писал о том, что было лично ему не интересно. Именно интересные и неожиданные случаи, никогда не бросавшиеся нам в глаза детали привычного мира (мы же страшно все не наблюдательные!), обязательное ненавязчивое поучение, совет, вопрос для размышления – все это заставляет читать Пескова годами. И помнить то, что он написал.

Почитайте, как он описывает никому не известный поселок Газета, название которого прочел однажды на карте у летчиков, с которыми летал по стране. Или про Ростов Великий, про который он почти ничего не рассказывает, зато великолепно и занимательно знакомит нас с историей названий городов на Руси, да и не только на Руси. Это запоминается!

Навсегда. Точно так же, как навсегда запоминаются нам хорошие анекдоты.

Вообще из всего, что написал Василий Михайлович, можно было бы сделать неплохие учебники для внеклассного чтения для ребят. Учебник географии, учебник истории, учебник зоологии. Не даром, по сути, все свои книги тот же Жюль Верн задумывал, как настоящие увлекательные энциклопедии о мире для детей.

И поверьте, «учебники Пескова» были бы на сто порядков интереснее, чем нынешние скучные и плохо написанные пособия, которые школьники вынуждены штудировать одиннадцать лет.

Так что не стесняйтесь – давайте вашим детям и внукам читать это собрание сочинений Василия Михайловича. Польза будет. И огромная.

*Андрей Дятлов,
заместитель главного редактора «Комсомольской правды».*

1967

Вышка в пустыне

Широка страна моя...

Разглядываю снимок. Припоминаю, как мы летели к вышке. На всем пути в барханах встретили один-единственный колодец и двух верблюдов. На буровой, увидав вертолет, решили, что раньше времени прибыла смена. Смена из поселка всегда прилетает на вертолете – семь человек бурильщиков заступают работать, семь улетают на отдых. День и ночь крутится стальной стержень буровой вышки. Песок, вода, глина, соль. Но ради этого тут, в кызылкумских песках, не стали бы жариться. Ждут газ или нефть.

Вышку волокли сюда тракторами. Целый поезд тракторов тянул по пескам эту махину. А стала она на место, сразу же потянулись к геологам пастухи со своими отарами – около вышки всегда вода, есть с кем перекинуться словом.

Не сладко работать в пустыне, сейчас, зимою – мороз, а летом даже в тени жара – за сорок. Однако днем и ночью работает двигатель. Шестьдесят метров в сутки прибавляется глубины. Ждут нефть или газ...

Я сейчас подумал: мой дом в Москве крепко связан с этой вышкой в пустыне. Вот сейчас я захотел вскипятить

чай. Повернул ручку на плитке, и заплясал под чайником синий огонь. Правда, пока что в московских домах горит ставропольский и саратовский газ. Но на промышленных картах уже прочерчена новая магистральная линия. Линия из кызылкумских песков переходит Аму-Дарью, обтекает Аральское море и движется дальше на запад. Местами линия сплошь черная, в других местах – только пунктир. Это значит, где-то газопровод уже построен, где-то строится. Три тысячи километров! Если заглянуть в справочник, обнаружишь: самый длинный газопровод в мире. У него есть название: Средняя Азия – Центр. Несчетное число озер, рек, болот, песков, гор и разных других препятствий надо перешагнуть трубе, которая начинается у пустынных скважин и кончится у бесчисленных сковородок, чайников, химических заводов, мартенов, домен.

На наших глазах газ вытеснил из печей дрова, уголь, мажут. Кое-где упразднились и сами печи. Вот против моих окон старинный пятиэтажный дом. У него девять труб. У труб одно назначение: выпускать дым. Они и дымили исправно лет пятьдесят. Но последние пятнадцать лет уже не дымят. Снег на крышах кипенно-белый, а в двух крайних трубах галки построили гнезда и каждую весну выводят птенцов. Вот что сказал по этому житейскому поводу заместитель министра газовой промышленности Юрий Ильич Боксерман:

– Мы привыкли к газу в домах так же быстро, как к теле-

визору, и не всегда сознаем, что в нашем быту произошла целая революция. Ни одна отрасль нашей промышленности не развивалась так быстро, как газовая. Мы начали газификацию после войны, начали гораздо позже других. В 1945 году американцы добывали сто пятнадцать миллиардов кубов газа. Мы – три с половиной миллиарда (в тридцать раз меньше!). Мы и сегодня пока еще значительно отстаем. Америка добывает четыреста шестьдесят миллиардов кубов. Мы – сто сорок пять (отстаем примерно в три раза). Но темпы нашего роста обнадеживают, и нет причин опасаться их замедления. В последнее время открыты богатейшие в мире месторождения в Средней Азии, на Крайнем Севере. Идет строительство трубопроводов. Южный и северный газ пойдет в промышленные центры. Бухарский дойдет к Москве уже в этом году.

– Газ – это не только революция в жилом доме, на кухне. «Кухня» потребляет всего двенадцать процентов добычи. Газ заставляет обновлять, перестраивать промышленность. Газ – это сырье для удобрений, замена дорогих коксующихся углей, это топливо для мартенов, электростанций, доменных и цементных печей. Потребность в газе на земном шаре можно сравнить разве что с нефтью. Франция ввозит сжиженный газ. Таким же образом до последнего времени снабжалась и Англия. Мы небольшую часть газа собираемся покупать у своих южных соседей. Из Афганистана газ пойдет в среднеазиатскую сеть. Иранский газ – в Закавказье. На севе-

ре мы, в свою очередь, продаем излишки газа в Европу. Одновременно идут поиски все новых и новых месторождений.

На этом снимке – одна из большого числа вышек, разбросанных по нашей земле.

Снимок сделан с вертолета геологоразведки. Пилот – Василий Згривец.

Фото автора. Кызылкумы. 29 января 1967 г.

Европа – Азия

Широка страна моя...

Тут, на лесной поляне, Европа встречается с Азией. Две елки. Одна в Европе, другая растет на виду у нее – в Азии. Замерзшие свиристели поднялись от людских голосов с рябины, сделали круг над поляной и сели на другую рябину, в Азии. Люди на поляне замерзли, греются – бегают из Европы в Азию и обратно. Автобус на дороге делает остановку, пассажиры глядят на каменный столб с надписью: «Европа – Азия», палкой провели черту на дороге, со смехом прыгают в Азию.

Два великих материка встречаются на Уральском хребте, глядят друг на друга через реку Урал: Европа и Азия. Кое-где граница проходит между соседними селами – в гости ходят на другой континент. В Магнитогорске день проводишь на правом берегу Урала, а вечером трамваем едешь в гостиницу – в Азию. В практической жизни граница значения не имеет. Однако есть что-то значительное в минуте, когда в первый раз пересекаешь эту черту. Сзади – тысячи километров. А впереди подернутые морозом гребни синих лесов – новые тысячи верст твоей земли. В эту минуту явственно чувствуешь ее размеры. Европа и Азия.

Всегда ли именно тут по хребту проходила граница? Покопавшись в книгах, узнаешь: в пятом веке до нашей эры ис-

торик Геродот проводил границу по Константинопольскому проливу (Босфору), по Черному и Азовскому морям и по реке Дон. Далее к северу земля для греков была неизвестной. В семнадцатом веке границей считали Дон, Волгу, Печору и Каму. Француз Гильон на карте 1760 года продлил Европу до реки Обь. Однако географ так плохо знал восточные земли, что упустил обозначить Уральские горы, он просто не знал, где они есть. Немецкий природовед Гумбольдт предложил считать Европу и Азию единым материком: Евразией.

Первым границу по Уральским горам провел русский географ петровских времен Василий Татищев. Этот замечательный человек хорошо знал свою землю. Он заметил: реки с Урала текут в двух направлениях, одни – в Печору и Каму, другие – в Обь. «На западной стороне рыба в реках красного тела: лососи, харьусы. В восточных реках, хотя наружным видом подобны западным – таймени, нельмы и муксуны – но как телом белы, так и вкусом различны». Замечено было: растительность за горами тоже заметно меняется. «Сие и сему подобные обстоятельства подают причину утверждать сие горы за границу между Азией и Еуропою». Татищев же первым дал письменное название: «Уральские горы». До него их звали по-гречески: Гипербореи. Татищев назвал их местным именем. По-татарски «Урал» – значит «пояс», каменный пояс.

Так определилась и закрепилась граница. Теперь едущий или идущий пешком в разных местах заметит на ней погра-

ничные метки-столбы. Они ставились в разные годы. В одном месте это литое сооружение, похожее на церквушку, в другом – пирамида, кованная из демидовского железа. Есть столб с фонарем, предупреждавшим путника: подходишь к Азии. Совсем новый столб с моделью земного шара и спутниками. До последних лет не знали, сколько всего столбов на границе. Теперь насчитано, кажется, семь. Но нельзя поручиться, что сосчитаны все. Граница тянется от Заполярья до Каспия. И столбы появляются в новых местах. В Магнитогорске при мне обсуждался проект такого столба...

Люди имеют объяснимую слабость ко всяким символическим линиям на планете. Перелетая экватор, летчик обязательно качнет самолет, и тут же тебе вручат значок и грамоту о том, что ты видел «середину Земли». Американцы на антарктической станции «Мак-Мердо» вручили нам дипломы «перешагнувших Полярный круг». Из Европы в Азию и обратно ездят столько людей, что до значков и грамот вряд ли дойдет. Хотя почему бы и не придумать что-нибудь в память о переезде границы? За рубежом в самолетах и поездах продают сувениры. Почему бы и нам не иметь веселый, со вкусом сделанный пустячок для украшения путешествия...

Обживают границу сегодня туристы. Десятки летних и зимних маршрутов. И есть особый туристский праздник, рожденный тут, на границе Европы и Азии.

Все началось с дружеской переписки Москвы и Свердловска: «Давайте встретимся у столба». Встреча была столь ве-

селей и интересной, что вот уже шестнадцатый год подряд в первое воскресенье февраля к столбу, стоящему в сорока километрах от Свердловска, едут туристы. И не только москвичи и уральцы, но и Прибалтика едет, Камчатка, Кавказ, Сывьвар, Мурманск, Воронеж, Омск, Красноярск, словом, Европа и Азия.

Встреча на границе Европы и Азии.

Пограничный столб в сорока километрах от Свердловска.

Около тысячи человек и в этот раз зажигали костер. Я не видел более веселой и оживленной «туристской ярмарки». Обменивались подарками, значками, маршрутными картами. Состязались: кто лучше разберется с картой на местности. Новые песни, новые исполнители и сочинители песен, знакомства, уговоры встретиться там-то и там-то на летних дорогах. И почти каждая из приехавших групп делает зимнее путешествие по Уралу.

...Стоишь на хребте и видишь землю, тебе принадлежащую. Направо – земля и налево – земля. След самолета над

головой. Голубые дымы из видимых и невидимых труб тянутся вверх над лесами. Обрыв скалы. Белая полоса речки. И опять то ли дымы, то ли морозный пар над землей. Железно-каменный, поросший лесами хребет на тысячу километров. А справа и слева – два крыла у страны: Европа и Азия.

Снимок сделан с помощью военных летчиков. Командир вертолета – Евгений Бельский.

Фото автора. 10 февраля 1967 г.

Зима

Пишет отец из Воронежской области: «Зима как по заказу. Старики не помнят таких снегов – выше прясла понаваляло. А мороз – аж дубы в лесу стали лопаться». Я в том же духе пишу отцу о московских снегах, о морозах и знаю: доставлю ему удовольствие. Во всех нас живет неистребимое желание видеть зиму «настоящей» – морозной и снежной, а весну – многоводной. Дело тут, видно, не только в примете: «много снега – много хлеба». Просто любо русскому человеку и снежное обилие, и морозам он рад, потому что вся его родословная от пещерных костров знавала морозы. И если идет череда зим бесснежных и мягких, ворчим: «Зима... Вот раньше...»

И вот после долгого перерыва стоит на дворе та самая «настоящая зима». От Молдавии до Урала – навалы снега.

Кое у кого из нас в память о январских стужах остались обмороженные носы и уши. Но в целом человеческий мир без потерь и больших трудностей пережил зиму. Человек что бы ни делал, в любом месте найдет спасение от мороза. А как-то живется зимою тем, у кого ночью над головой звезды и постелью служит холодный снег? Со всех концов идут вести о бедствиях птиц и зверей. Холод, еды надо много, а еду не достанешь под снегом. Любопытно, что многие из животных ищут защиты и покровительства у человека. В Свердловске

возле оперного театра растут рябины. Большая стая свиристелей каждый день прилетает из леса кормиться к театру. Кормятся в пяти шагах от прохожих, при шуме автобусов и трамваев. В солдатской казарме в сибирском городе я наблюдал: стоит приоткрыть дверь — в казарму устремляются замерзшие воробьи. В Челябинском авиационном вокзале в морозные дни нашли себе приют воробьи и синицы. Щебет, теньканье, воровня крошек со столиков. Даже самые хмурые из людей улыбались...

Тревожные вести из заповедников: растеряли силы олени, козы и кабаны. Нужна скорая помощь.

Звери в такое время почти не боятся людей. Голод гонит их на лесные дороги, к поселкам, к стожкам сена. Наша обязанность: помочь животным и птицам перенести тяжкое время. Горсть крошек и зерен, охапка сена — и чья-то жизнь спасена. За добрым делом мы сможем и лучше разглядеть лесное житье-бытье. Животные, конечно, не совсем утратили опасения к человеку. Но в такое время они чувствуют: человек милосерден и не поднимет руку на беззащитных.

А зиме скоро уже конец. Вы заметили: сугробы из серовато-белых стали золотистыми, с глубокими синими тенями. И весь мир над снегами в солнечный день залит тревожно-радостной синевой. Конечно, будут еще и метели. Но как ни дорога нам зима, мы с радостью проводим ее и с радостью встретим все, что бывает после зимы.

Олени

Идут к человеку. На поляне их ожидает корм. Но погляди-те, как нелегко идти оленям за этой подачкой. Остановились, прислушались, подбирают случайную ветку. Глубокий снег заставляет оленей собраться в стаю, так легче идти. Первый делает след, остальные – за ним. Потом уставшего первого сменяет новый. У них сейчас много врагов: мороз, снег, волк может забежать в заповедник, даже обезумевшие от голода кабаны норовят окружить ослабевшего и тут же сожрать. Человека олени тоже боятся. В другое время они не решились бы, а теперь голод заставляет идти шаг за шагом. Там, за соснами, темнеет спасительный корм. Гордый рогатый самец обессилел больше других. Крупные и сильные в голодную пору погибают скорее всех. Шаг за шагом олени тянутся к корму. Завтра к тому же месту они пойдут смелее. Но это до тепла, до первых проталин. Тогда они опять станут дикими, осторожными.

Волк

Волков по российским лесам осталось считанное число. Человека этот зверь боится смертельно. Даже возле логова, где спят слепые детеныши, волк не кинется защищать потомство, поджав хвост, убежит. Причина этому – опыт постоянной жизни возле людей. Волк набирается мудрости, и эта мудрость учит его: с человеком лучше не связываться. И все-таки куда ему податься от человека? Голодная зима гонит серого поближе к деревням, ометам, где пахнет овцами, где

на худой конец можно задрать собаку. За ночь тридцать – сорок верст меряют волчьи ноги в поисках хоть какой-нибудь пищи. И сразу же переполох в селах: волк! Ружья, флажки, собаки. Люди прижимают волка где-нибудь в закутке леса, ставят загородку из кумачовых флажков и ждут с ружьями...

Почти вывелись волки. И только уж хитрый из хитрых оставляет следы в перелесках. Этот волк живет под Тамбовом. Его тоже выследили, обложили флажками. Как водится, шум подняли. Кинулся волк к «воротам», а оттуда: шарах! Охотник оказался не очень метким. Одна картечина достала волка. Роняя красные капли, обезумевший зверь кинул-

ся куда попало. Но есть же и волков счастье! – выскочил на человека, у которого вместо ружья фотографический аппарат. Выстрела не было. Мгновение – и волк от страха махнул прямо через флажки... Другом зверя не назовешь, и все-таки было бы скучно в лесах без единого волка.

Белка

Для белок нынешняя зима – двойное бедствие. Холода, а главное – не уродились шишки. Замечали, наверное: в лесу под елками снег кое-где засыпан тонкими веточками. Это белки кормились еловой почкой. Еда не сытная, и главное – сколько веточек надо срезать!

Лучшая судьба у белок, живущих где-нибудь поблизости от людей. Белки доверчивей всех из животных. И люди к белкам питают особую слабость. Вот и перепадает зверькам: орех, печенье, косточки сливы. Я знаю три места, где белок люди взяли под свое покровительство: сибирский Академгородок, Подлипки – недалеко от Москвы и городской парк в Таллине. Вот эта жительница Академгородка только что взяла из моих рук пряник.

Воробьи

В нашем доме живет глухой старик. Дворовые воробьи знают его уже несколько лет. Каждый день старик спускается с пятого этажа, неторопливо достает из кармана затейливую табакерку, и воробьи сразу же тут как тут. Когда-то старик, наверное, курил или нюхал табак. Теперь по старости бросил, а табакерку приспособил к новому делу. Потрясет: из табакерки сыплется пшено или просо – угощение воробьям. Воробьи из тысячи людей, наверное, узнают своего благодетеля. Дня три назад идет он с сумкой из магазина. Воробьи, конечно, сейчас же ему под ноги. Лезет старик в карман, а табакерка пуста: «Ну что ж, нет пшена, вот вам булка». Тут я и заснял из окна забавную сцену. Воробьи сразу поняли: булка – штука съедобная. Но очень уж непривычна еда. Собрались кругом, трещат. Голодные, а боятся. Нужен герой, который бы первым... Герой, конечно, нашелся, прыгнул на булку... И вот уже третий день идет пир под окном.

Филин

А этот житель лесов человека всегда сторонится. Ему не надо никакой помощи, чем больше бедствий в лесу, тем сытнее живется. Ночью он хорошо видит. И если услышишь в лесной темноте крик зайца, можно предположить: глазастый

ОХОТНИК НАСТИГ ДОБЫЧУ.

Увидеть филина летящим или сидящим днем в каком-нибудь укромном уголке леса – большая удача. При встрече не спешите поднять ружье. Хотя и хищник, но очень редок. И его всячески стоит оберегать. Встреча с этой таинственной птицей оставляет много воспоминаний.

Фото автора. 19 февраля 1967 г.

Магнитка

Широка страна моя...

Два этих снимка сделаны с самолета в разное время. Первый сделан в 1929 году. Второй – несколько дней назад. На снимках – одно и то же место над рекой Урал. Тридцать восемь лет назад это место выбрали для строительства. Тогда первый раз прозвучало слово «Магнитка».

Магнитка... Конечно, сразу хочется увидеть знаменитую Магнитную гору, от которой все и пошло. Слышал о ней в разговорах, в газетах. Знаешь, что это клад необычайной цены, что японцы в свое время предлагали царю за гору двадцать пять миллионов рублей. И теперь стоишь растерянный: горы нет. Далеко внизу – почти игрушечный экскаватор, змейкой бежит состав с вагонетками. Тебе объясняют: «Гора была как раз на месте этого котлована...» За котлованом до горизонта стоят белые, красноватые, сизые облака. В погожий день, когда дымы и пар столбами уходят вверх, можно попытаться сосчитать трубы. Я насчитал двести семнадцать и сбился. Целый город темных, непривычных для глаза строений: эстакады, трубы, мосты, краны, шеренга домен. Все в белых дымках. Позже узнаешь: в этот железный город приходят ежедневно десятки тысяч людей. Огромное число. Но где люди? Город кажется пустынным, так велики размеры сооружений и площадь, которую они занимают.

За день я едва осилил путь, где проходит руда из котлована до цеха, где по железным каткам несется красный, брызжащий искрами слиток стали, называемый слябом. Красное тесто, ускоряя и ускоряя бег, превращается в стальные листы. Они проносятся над станом красными птицами и оставляют у новичка ощущение сказки. А где-то рядом в другом, столь же длинном цехе, сталь катают почти до бумажной тонкости, превращают потом в белую жечь. Другие цехи ката-

ют рельсы, проволоку, стальные ленты и полосы, арматуру для строек, разных видов фигурные профили. Тут во время войны катали броню танков, а теперь строят, кажется, самый большой из цехов – будут катать автомобильный лист для завода в Тольятти на Волге. Это новый заказ страны для Магнитки. Но это не новость сама по себе. Со дня рождения Магнитка получает и получает заказы. Не будь Магнитки, мы вовремя не имели бы тракторов. Без Магнитки вряд ли мог устоять Сталинград. Каждый второй снаряд, каждый второй банк были сработаны из стали, сваренной в этих печах. И сегодня: станок, пароход, комбайны, ученическое перо, иглолка – все сталь. «В прошлом году подведен итог. Магнитка со дня первой плавки дала сто пятьдесят миллионов тонн металла. Много ли это? Это в семнадцать раз больше, чем давала за год вся индустрия старой России. Магнитная гора переработана в сталь!

В день знакомства с Магниткой я говорил с директором комбината и главным режиссером городского театра. На вопрос: «Какие заботы сегодня?» – директор Воронов Феодосий Дионисьевич, Герой Труда, член ЦК партии, сразу сказал: «Руда! Руда, руда...»

У режиссера Резина Анатолия Андреевича другая забота: надо добыть пятьдесят пар лаптей. «Два месяца бьемся, списались со стариком из Чувашии...» Магнитогорский театр ставит пьесу «Стройфронт». Воскрешается Магнитка первого года жизни. Сто тысяч обутых в лапти людей начи-

нали Магнитку.

Сто тысяч обутых в лапти... В городе я видел старую кинохронику. Сколько б ни говорили мы о Магнитке, о Днепрогэсе, о Комсомольске Амурском, никаким словом не скажешь больше, чем говорят эти старые в царапинах киноленты.

Роят котлован домны. Лопатами с уступа на уступ кверху швыряют землю. Первый котлован. А сколько еще всего вокруг этого котлована надо построить! Задуман комбинат не просто современный, но самый крупный из всех, какие в мире существовали. Знания, как построить? Их было немного. Механизмы? Лопата, лом, тачка, лошадь. Место выбрали дикое, необжитое. За рубежом мало кто верил, даже друзья. И только эти сто тысяч в лаптях, отчаянно копавшие землю, верили. Есть в хронике кадры январской метели. Белое молоко. И в этом свистящем месиве — люди и лошади. В холода там, на экране, ежишься даже ты, сидящий в теплом, уютном зале. Работа не останавливалась и в такие зимние дни. А вечером: палатка или тесный барак, закоптелый чайник на печке. Есть кадры: у печки сушатся лапти. Обычная по тем временам обувь. Оператор, снимавший для памяти стройку, знал, что Россия будет носить другую обувь и будет дивиться: неужели так было?..

Ветхая подшивка газет. Почему-то особенно любопытно смотреть листы за тот год, когда ты родился. Вот пожелтевший номер. Тебе было пять месяцев, и мир, как утверждают

врачи, был в твоих глазах еще перевернутым кверху ногами. Каким-то вечером ты спал у материнской груди, а отец, возможно, около лампы читал вот эту статью о Магнитке. Вот о Магнитке говорит Максим Горький, вот Демьян Бедный пишет: «Вытянем!» Вот зарубежные вести: не верят, злорадствуют... В старых бумагах отыскалось письмо тех времен:

«Товарищи магнитостроевцы!» Я работаю телеграфистом на нашей станции Амосов. Я много читал о вашем героизме. Так вот и представляется мне сибирский мороз, и в нем огни горят. Из морозного тумана поднимаются леса вокруг будущих домен. Вокруг тех самых, что насытят нашу страну железом, сталь которых хлестнет по крыльям вражьих самолетов, если они задумают на нас налететь. Хотелось мне попасть к вам, но я больной и прикованный к станции. Смотрю я на поезда, хожу по станции и вижу, в тупике на вагонах мелком написано: «Груз Магнитострою». И стоят эти вагоны... То идет, другое идет, а они стоят. Взял я и тайно (не знаю, можно ли так) написал плакаты да все приклеил на вагоны. А написал так: «Товарищи! Здесь срочный груз гиганту металлургии Магнитострою. Не будь преступником перед страной, жаждущей железа. Проталкивай груз в первую очередь!» И что же? Ушли все вагоны. Не показываю виду, спрашиваю у начальника про них. А он говорит: «На них надпись какая-то неудобная. Неловко их на станции держать». Мне стало радостно от своей помощи. Алексей Барышев, комсомолец».

Для комсомола в те годы Магнитка была испытанием. Все самое трудное, самое ответственное на стройке комсомол валил на свои плечи. Но и вся страна стояла у колыбели Магнитки. Подсчитано: сто шестьдесят заводов делали оборудование. Сто восемь учебных заведений готовили рабочих и инженеров. Сто тысяч крестьян из российских деревень с сундучками, с лопатами, топорами и пилами приехали на Урал.

Виктор Емельянович Калмыков и он же (справа) после года на стройке. Фото М. Альперта из журнала «СССР на стройке».

Мы жили в палатке,
с зеленым оконцем,
Промытой дождями,
просушенной солнцем.
Да жгли у дверей золотые костры
На рыжих камнях
Магнитной горы.

Эти литые из бетона строчки я прочитал у монумента – палатки, недавно поставленной магнитогорцами в память о первых годах.

Небольшой труд разыскать сегодня тех, кто жег «золотые костры», они живут тут же, в городе. Найдешь их в Москве и во многих других местах. Я испытал радость, когда при знакомстве старый доменщик сказал: «Ну а как поживают Семен Нариньяни, Валя Китаин?» И тот и другой журналисты, работали до тебя в «Комсомольской правде», тут, на Магнитке, в разное время они выпускали специальную «Комсомолку» строителям. Приятно было рассказать доменщику: именно в те годы «Комсомольская правда» получила свой первый орден. Был учрежден орден Ленина. И самый первый, орден № 1, вручили комсомольской газете.

...Тридцать четыре месяца разделяют на Магнитке первую палатку и первый металл. Тридцать два года назад столь короткий срок ошеломил всех, кто сколько-нибудь смыслил в такого рода делах. Сегодня мы строим и много, и спору. Но если бы мы захотели из всего, что сделано, вы-

делить самую большую победу, мы бы сказали: Магнитка. Это не только советская гордость. Из всех работ на земле, исполненных в этом веке, едва ли не самая удивительная – Магнитка.

Заглянем в лицо тем, кто строил и кто тридцать два года непрерывно поддерживает огонь Магнитки. Честно сказать, я растерялся: кого назвать? Тысячи людей. Поискать своих земляков? Вся Россия посылала людей. Есть, наверное, и черноземцы?.. Я без труда нашел земляков.

Вот первый из них, Калмыков Виктор. Лучше всего о нем расскажут эти две фотографии, сделанные с перерывом в один только год. Сундучок, лапти, пиджак в заплатках, деревенская настороженность – таким был парень из черноземной Калмыковки в 1931 году. А в 32-м журнал, проследивший судьбу Калмыкова, весь номер посвятил этому человеку. Не будем повторять сказанное о трудностях стройки. Калмыков Виктор испытал их полной мерой. Заметим другое: трудности и лишения не ломали человека, а возвышали. Поглядите, сколько достоинства, сколько рабочей уверенности. Поглядите, как твердо он стоит теперь на земле, все тот же парень – Калмыков Виктор. За один год он и копал землю, и стал бетонщиком, а пришло время монтировать домну – стал и монтажником. Он приехал неграмотным человеком. Вступая через год в партию, он своей рукою написал заявление. Мы можем гадать, каким чудом учился, если с утра до ночи был занят лихорадкой работы. Но ведь и вся страна

тогда именно так работала и находила время учиться.

Виктор Калмыков погиб трагически перед войною. Но его помнят. Это был славный человек, один из ста тысяч, творивших чудо Магнитки.

Другой земляк. Шатилин Алексей Леонтьевич, ровесник Калмыкова. Он приехал на Магнитку из курской деревни. Пускал первую домну. Семь лет назад пошел на пенсию, но вернулся на комбинат. Я встретил его около домны. Прищурившись, в синий глазок он разглядывал плавку. Был какой-то трудный момент – с десяток почтенных людей ждали: что же скажет Шатилин?..

«Обер-мастер, – шепнул мне молодой доменщик, – таких в стране – всего сорок девять. Он может даже министру звонить...»

Вечером мы сидим с обер-мастером за чайным столом. Понемногу не шибко словоохотливый мастер «разогревается». Я узнаю, как пускали первую домну, как пускали вторую домну, как пускали вторую «комсомольскую печь». Как возил мастер эшелон первого чугуна в Москву на завод «Серп и молот». Были у доменщика разговоры с людьми государственными. Около домны встречался с Орджоникидзе, а совсем недавно – с Косыгиным. С деревней до сих пор не потерял связь. Все годы помогает: одним, пока учатся, другому, потому что здоровьем слаб. Получает из села трогательные посылки: сало и деревенские пышки.

Все десять домен при нем строили. Он делал первые плав-

ки, «обживал» эти печи размером с многоэтажный дом.

– Характер? А как же – у каждой свой. И капризы, и все такое. Почти как человек.

Спрашиваю: есть ли из десяти любимая?..

С улыбкой думает...

– Записывай: Шестая. Первую плавку делал на ней в войну с мальчишками-ремесленниками. На ней же горел... Как горел? Ну, металлом брызнуло, пришлось в больницу определиться... На Шестой первый орден Ленина получил. И на ней же мы одно новое дело придумали – присудили лауреата. Мать, принеси-ка пиджак!

На спинку стула повешен пиджак. Лауреатский значок, три ордена Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени, орден «Знак Почета»...

На бумажке подсчитываем, сколько всего чугуна сварил мастер за тридцать лет тут, на Магнитке. Получается: двенадцать с половиной миллионов тонн...

Мой третий земляк Константин Хабаров живет в этом же доме, этажом выше главного мастера. У Хабарова тоже звание: обер-мастер – два таких звания на Магнитке. А начинал он с Шатилиным на той самой Шестой печи в сорок третьем году. В пятнадцать лет у этой печи получил орден Трудового Красного Знамени. Все искусство Шатилина многие годы было у него на глазах. А что работа у домны – искусство, то тут спорить не следует. У печи сегодня десятки сложных приборов, и все-таки обязательно человеческий глаз через

синее стеклышко должен угадывать, что происходит в этой машине.

Хабарова Магнитка посылала строить и пускать домны в индийском Бхилаи. Построили, сдали в работу. А два года назад 9 февраля мастера Константина Хабарова срочно позвали в Москву: «Немедленно самолетом – в Индию». В Бхилаи индийские доменщики что-то недоглядели, и в одной из печей образовался «козел» – беда, хуже придумать нельзя. Столб чугуна поперечником более восьми метров застыл. Ситуация: домну надо ломать и заново строить. В газетах шум – остановилось огромное производство. Завтра проблема будет обсуждаться в парламенте. И тут прибывают на помощь четверо доменщиков. Двор залит чугуном, хаос, неразбериха. Непросто было даже узнать, в чем дело. За сутки был поставлен «диагноз», и директору комбината Инжиндру Синху твердо сказали: «Сегодня 12 число... 20 февраля домна будет работать». Бородатый директор удивленно пожал плечами: «Даже график... Как можно шутить...» Двести часов внутри печи непрерывно шла невидимая работа, оценить которую по-настоящему могут только доменщики. Сначала по крупинке, потом кубометрами с помощью кислорода «выскребали» чугун. Константин Хабаров не спал подряд четверо суток. 20 февраля печь дала новую плавку.

«Нам предложили огромные деньги. Отказались: за помощь не берем денег. Повезли нас показать Индию. Месяц путешествия. Побывали на заводах, построенных немцами

и англичанами. Радостно было видеть: наши домны в Бхилаи – лучше. И встречали нас немцы и англичане как больших мастеров: «Вы с Магнитки?!» Приятно было отвечать англичанину, который глядит на тебя с уважением: «Да, мы с Магнитки».

Я назвал только троих с Магнитки – своих земляков. А ведь у многих из нас есть земляки на Магнитке. Всем миром строили. Хорошо строили. Недаром слово «Магнитка» означает для нас гораздо больше, чем просто железо и сталь. Да и «кузниц» у нас прибавилось: «Липецкая Магнитка», «Череповецкая Магнитка», «Казахстанская Магнитка»... Трудно начинать было.

Снимок сделан с помощью военных летчиков. Командир вертолета – Евгений Бельский.

Фото автора и из архива В. Пескова. 22 февраля 1967 г.

Стоит поразмышлять...

Так выглядят сверху комбайны, если их оставили зимовать без крыши. Выше колес занесены снегом. Ясно, что снег нашел лазейки и в нутро каждой машины. Честное слово, так жалко их, будто это живые существа застыли в сугробах. При такой жизни срок службы комбайнов очень недлинный; даже простую лопату бросить на зиму под снегом – и то недолго послужит. Тут же сложная, дорогая машина.

Что же, надо звать кого-то к ответу?.. Не будем спешить

называть конкретного Ивана Ивановича. Мы его просто не знаем. Мы не знаем даже, что за хозяйство: совхоз, колхоз? Снимок сделан с вертолета на пути из Челябинска в Магнитогорск. Мы надеемся: конкретный Иван Иванович, взглянув на снимок, сам отзовется и расскажет, какая нужда заставляет вот так хранить дорогие машины. Есть надежда, что отзовется не только «Иван Иванович». В чем дело, почему дорогая техника зимует у нас под сугробами? Подобные снимки можно ведь сделать и в Смоленской, Черниговской, Воронежской, Рязанской, Пензенской и других областях. Что за причина? Лесу у нас не хватает построить навес? Плотники перевелись на Руси? По бедности не можем строить? Вряд ли. Простой подсчет показывает: навес построить дешевле, чем губить и снова покупать дорогие машины. А может, нет? Может, и есть хозяйская выгода с техникой именно так обращаться? Может, машинам зима вовсе и ни-почем и беспокойство это – наивное и ненужное?

Хотелось бы знать мнение колхозных председателей, механиков, комбайнеров. Может быть, откликнутся из Министерства сельского хозяйства? Так ли, как надо, мы берегаем машины?

Фото автора. 26 февраля 1967 г.

Мгновение

Мы привыкли к фотографии и не принимаем ее как чудо. А ведь чудо подлинное. Ну разве не удивительно: еще не побывав на Луне, мы уже знаем, как выглядят лунные камни! Разве не чудо: сидя в зрительном зале, мы путешествуем в джунглях. Или простой случай: фотограф, вернувшись из подмосковного леса, рассказывает историю, которую встречают не очень доверчиво. «А вот смотрите...» – И показывает снимок...

Природа неисчерпаема на загадки и удивительные явления. Тысячи разных случаев, приключений, ошеломляющих неожиданностей и примеров красоты встречаются нам в природе. Слова часто не могут передать увиденное глазами. «Эх, если бы снимок...» Но фотографический аппарат мы часто по лености оставляем висеть на гвозде или чаще всего не бываем готовы к мгновенной съемке.

Был у меня поучительный случай. На реке Воронеж ловили с приятелем рыбу. Каждое утро вместе с удочками я клал в лодку фотографический аппарат. Стояла погожая осень, в лесу ревели олени, а я тайно надеялся: выйдут на берег... Но олени на берег не выходили. Возвращаясь в деревню, я уносил из лодки облепленный чешуей футляр с фотографическим аппаратом. Он начал надоедать мне – ничего интересного на реке не встречалось. Но однажды в туманной, порос-

шей ольхами низине мы услышали залиvistый лай. Кого-то гнала собака. Чувствуем: зверя гонит. Забыли о поплаvках. Слушаем: ближе, ближе... И вот на другом берегу, как раз против лодки, выбегают из чащи олени: рогатый самец и самка. С минутку поколебались, но, услышав собаку, кинулись в воду. Плыvут прямо на нас. Розовый от восхода плес. В нем медленно движется рогатая голова. Тишина, только рыбы круги и от плывущих – большие стеклянные волны... Мы сидели до крайности огорченные – корма, где обычно лежал аппарат, на этот раз была пустой...

Такой же случай, если я даже очень его искал бы, вряд ли повторится. Но ведь кто-то может увидеть такое. Возможность делать редкие снимки очень большая, поскольку число людей с фотоаппаратами у нас сейчас огромное – несколько миллионов.

В папке у меня есть несколько фотографических удач высшего класса. Снимки эти, сделанные в разных частях земли, обошли многие издания мира. Европейские журналы заплатили фотографам большие деньги. И снимки стоят этого.

Вот посмотрите: леопард настиг обезьяну. Все. Последнее мгновение жизни. А как не хочется живому существу умирать! Последняя защита: крик ужаса. Даже хищник на мгновение оторопел от крика... Никакие слова не расскажут об этой драме лучше, чем снимок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.